

Вискалин Александр Викторович

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КОНЦА МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ И В ПРИУРАЛЬЕ

Статья рассматривает основные направления и причины миграций населения на востоке Европы, выявленные в ходе анализа позднемезолитических древностей и ландшафтно-климатической обстановки на Средней Волге и в Приуралье. Особое внимание автор обращает на взаимосвязь между миграциями и наступлением засушливого и прохладного климата конца бореального периода, вызвавшего масштабную экологическую катастрофу в аридных областях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/2-1/9.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. I. С. 40-43. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 551.795

Статья рассматривает основные направления и причины миграций населения на востоке Европы, выявленные в ходе анализа позднемезолитических древностей и ландшафтно-климатической обстановки на Средней Волге и в Приуралье. Особое внимание автор обращает на взаимосвязь между миграциями и наступлением засушливого и прохладного климата конца бореального периода, вызвавшего масштабную экологическую катастрофу в аридных областях.

Ключевые слова и фразы: миграции населения; поздний мезолит; Среднее Поволжье и Приуралье; экологическая катастрофа аридных областей; ландшафтно-климатическая обстановка; конец бореального периода.

Александр Викторович Вискалин, к.и.н.

Кафедра истории отечества

Ульяновский государственный университет

alvisk@mail.ru

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КОНЦА МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ И В ПРИУРАЛЬЕ[©]

С момента своего появления человечество ведет подвижный образ жизни, находясь в неустанным поиске необходимых для выживания природных ресурсов. Вызвать частичное или полное переселение могут не только экстраординарные природные катастрофы - извержения вулканов, цунами, землетрясения, но и растянутые по времени, но от того не менее действенные, климатические колебания, способствующие изменению ландшафтов, животного и растительного мира. В результате бесчисленного количества микромиграций за несколько десятков тысяч лет человек современного вида сумел расселиться практически по всей планете, освоив разнообразные ландшафты в Африке, Евразии, Америке, Австралии, Океании.

Несмотря на важную роль миграций в жизни людей, в современной археологической науке отношение к ним отличается двойственностью. Не вызывают оживлённых дискуссий лишь миграции, подтверждаемые письменными источниками. Потому многие исследователи предпочитают вместо термина миграции использовать более политкорректные: «взаимодействие», «контакты», «влияние», «диффузия» и т.д. Представляется, что основной причиной «близорукости» археологической науки, не способной различать перемещения людей, является не столько ущербность археологических источников, многократно возрастающая при изучении древних обществ, сколько несовершенство существующей методологии исследования этих источников, не позволяющей отличить перемещение населения от дрейфа идей и вещей. Восполнить недостатки археологических методов удастся привлечением данных естественных наук и использованием комплексного пространственно-географического и культурного анализа, нацеленного на выявление закономерностей между изменением природных и культурных явлений.

По данным ведущих палеоклиматологов в бореальный период большая часть Среднего Поволжья и Приуралья была покрыта сосново-березовыми и еловыми лесами [19, с. 159-162], простирающимися на юг до северокаспийской низменности [5, с. 97]. Эту обширную равнину заселяли родственные племена русско-луговой, камской, романовской и ильмурзинской мезолитических культур, хозяйственные занятия которых определялись экологическими возможностями конкретных территорий. Проживающие по берегам Волги и Камы племена русско-луговой культуры основной акцент делали на круглогодичное рыболовство. Это доказывается концентрацией населения на берегах крупных рек и в приустьевой части их притоков, наличием стационарных поселений с долговременными крупными жилищами, обилием разнообразных по форме и размерам рубящих орудий и пешней, в том числе массивных удлинённых долот, как нельзя лучше приспособленных для изготовления лодок. У рассеянного по лесным районам населения камской, романовской и ильмурзинской культур, основным занятием являлась охота, о чем говорят частые находки вкладышей составного охотничьего вооружения, малочисленность поселений и, особенно долговременных, расположение поселений по берегам не только крупных, но и небольших рек, малоприспособленных для рыболовства, единичность и морфологическая неразвитость рубящих орудий, не имеющих шлифовки.

Начало активного миграционного движения этого населения по времени совпадает с концом бореального периода, когда устанавливается холодный и необычайно засушливый климат [7, с. 30], вызвавший деградацию лесного ландшафта на юге современной волго-уральской лесостепи и замену его лесостепным и даже степным [17, с. 25]. Наиболее сильные последствия изменений конца бореального периода испытывают области с континентальным климатом на востоке Европы и в Средней Азии, где на смену хорошо увлажняемым и благоприятным для жизни животных и человека степным и лесостепным ландшафтам приходит северная пустыня.

Под влиянием ландшафтно-климатических изменений местное мезолитическое население покидает южные районы современной волго-уральской лесостепи и отходит севернее - на Каму и Вятку, где продолжает жить и в первой половине атлантического периода. На это указывают, вероятно, несколько омоложенные

радиоуглеродные даты с поселений Баринка I, Моторки II, Степанцы II [4, с. 64, 65]. Об отходе мезолитического населения из южных районов волго-уральской лесостепи говорит отсутствие здесь мезолитических комплексов, датирующихся началом атлантического периода, а также появление нового населения, связанного своим происхождением со степными районами Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия.

Проникновение на Среднюю Волгу степного населения сероглазовской культуры еще в 90-е годы прошлого столетия исследователями не рассматривалось [8, с. 28, 29]. Однако за прошедшие 2 десятилетия ситуация коренным образом изменилась. Во-первых, у г. Сызрани был обнаружен небольшой, но по своему интересный комплекс кремневого инвентаря степного облика [6, с. 100, 101]. Во-вторых, автором данной работы на ряде многослойных поселений лесостепного Поволжья (Виловатое, Ивановка, Елшанка X и др.) была выделена примесь «степного» кремня, включающего скошенные острия, «рогатые» и низкие симметричные трапеции, треугольники, сегменты, прямоугольники, пластины с выемкой на конце, широкие пластины с плоской ретушью на брюшке и т.д. О продвижении отдельных групп сероглазовского мезолитического населения на Среднюю Волгу говорит и присутствие названных выше изделий, выполняющих роль своеобразных культурно-временных маркеров, на промежуточной территории Саратовского Поволжья [5, с. 88, 89].

Отдельные группы степного населения по долинам Волги и Камы проникают вглубь лесной зоны Волго-Камья, достигая марийско-чувашского Поволжья и бассейна р. Вятки. Появление степного населения на территории русско-луговской культуры отмечено находками новых, ранее не встречающихся в ее коллекциях видов каменных изделий: трапеций, сегментов, прямоугольников, скошенных острий. Скошенные острия обнаружены на ряде раскопанных широкими площадями поселений Марийского Поволжья, давших представительные коллекции кремневых изделий: Удельно Шумяцкое X и XII, Нижняя Стрелка VI, Паратская XI, Юльяская IV. Примечательно, что на всех этих поселениях скошенные острия идут совместно с геометрическими микролитами - трапециями, сегментами, параллелограммами, прямоугольниками.

Отмеченная закономерность прослеживается не только на крупных поселениях, но и на небольших стоянках - Выселки VI, Кожлинское I, Владимирская, Сергулинские I-IX. В пользу существования тесной связи между скошенными остриями и геометрическими микролитами свидетельствует и тот факт, что на тех памятниках, где скошенные острия не были обнаружены, отсутствуют и геометрические микролиты. Сказанное относится не только к небольшим стоянкам с ограниченным количеством кремня - Нижняя Стрелка I, Дубовская XI и др., но и к крупным поселениям, раскопанным большими площадями и давшим значительный по объему материал - Дубовское XXIII, Дубовское XIII, Ясачное I, Мольбище I, Зеленый остров.

Однако перечень комплексов со скошенными остриями и сопровождающими их геометрическими микролитами значительно длиннее, чем может показаться на первый взгляд. Значительное количество мезолитических поселений за прошедшее время было переработано более поздними обитателями. Присутствие мезолитической примеси на многослойных поселениях достаточно уверенно диагностируется по наличию микролитического кремневого инвентаря во всех без исключения культурно-хронологических комплексах данного объекта, несовпадению зон концентрации микролитического инвентаря и керамики, а также встречаемости скошенных острий и сопряженных с ними изделий. К числу стоянок с вероятной мезолитической примесью могут быть отнесены Дубовская VIII, Отарская VI, Майданская и др.

Особый интерес представляют «чистые» мезолитические объекты, выделенные на стоянках со смешанными материалами, поскольку они однозначно указывают на присутствие степного населения, а не заимствование идей или вещей. К их числу относится комплекс жилища № 6 Дубовского VIII поселения, первоначально отнесенный, как и соседние жилища № 1-5 к культуре накольчатой керамики [12, с. 96-100]. В ходе последующего изучения жилища № 6 автором данной работы было отнесено к мезолиту, на что указывает отсутствие в его заполнении развалов неолитической керамики и 5-кратное увеличение по сравнению с другими неолитическими жилищами этой стоянки количество кремня. Не характерным для неолитической эпохи выглядит и состав кремневого инвентаря этого жилища. Он не содержит ножей на крупных пластинах и отщепах с ретушью по периметру, двусторонне обработанных наконечников стрел и других типичных неолитических изделий из камня. Зато включает большое количество микропластин, косых и скошенных острий на пластинах, в том числе с выемкой на конце, острий с боковым жалом, ланцетов, черешковых и иволстных наконечников стрел, геометрических микролитов [Там же, с. 257], находящих близкие аналогии в материалах 2 этапа русско-луговской мезолитической культуры.

В этой связи следует заметить, что скошенных острий и сопряженных с ними мезолитических изделий практически нет в жилищах № 1-5 Дубовской VIII стоянки, связь которых с культурой накольчатой керамики подтверждают развалы неолитической посуды. Отсутствуют скошенные острия на пластинах и геометрические микролиты на ряде других неолитических поселений Среднего Поволжья - Дубовском III [10, с. 84-92], Щербетьском II [18, с. 51, 54-56], Лесное Никольском III [3, с. 28-38], Сутырском V [13, с. 48], Утюжском I [2, с. 14, 15].

Картирование геометрических микролитов на территории русско-луговской культуры выявляет их локализацию практически исключительно по берегам Волги несколькими компактными группами [11, с. 226, 227]. Относительная малочисленность «степных» элементов на территории русско-луговской культуры свидетельствует, что проникшие сюда группы южного мезолитического населения были немногочисленными. Их появление не привело к вытеснению местного населения или трансформации его культуры. Пришлое население селилось неподалеку от местного, а, возможно, и на территории уже существующих

поселений. Чересполосное проживание местного и пришлого населения способствовало возникновению межкультурных контактов и проникновению в русско-луговскую культуру отдельных «степных» элементов. Ограниченность имеющихся источников не позволяет установить продолжительность и интенсивность межэтнических контактов. Но само их существование доказывается наличием в составе мезолитических комплексов первой половины атлантического периода наряду с традиционными для лесной зоны Восточной Европы рубящими орудиями чужеродных изделий «степного» облика.

На Вятке и в лесном Приуралье, в отличие от Средней Волги, «степное» влияние проявляется значительно слабее и не превышает 1-3 находок на памятник, что может говорить о второстепенности данного направления миграции. Присутствие «степного» компонента обнаружено на позднемезолитических памятниках Баринка I, Тархан II, Кыйлуд IV, Мари-Кугалка II и III, Кипеневщинская, а также в виде мезолитической примеси на таких неолитических стоянках, как Моторки II, Чумойгло I, Тархан I, Ботылы IV [4, с. 74, 75, 199]. В комплексе со скошенными острями и геометрическими микролитами идут и другие «нововведения»: наконечники стрел, шлифованные рубящие орудия и скребки на отщепах. Ни одна из перечисленных выше категорий изделий не является характерной для степного мезолита и, следовательно, речь едва ли может идти о прямой миграции степного населения в лесные районы Приуралья и Прикамья. Малочисленность шлифованных рубящих орудий, похоже, исключает миграцию из области русско-луговской культуры Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья. Более вероятным источником инноваций выглядят племена романовско-ильмурзинской культуры, занимающие промежуточное положение между степью и лесом. Вероятность посредничества лесостепного мезолита доказывает не только его территориальная близость, но и характерность для финальных памятников романовско-ильмурзинской культуры всех упомянутых выше элементов [9, с. 158, 159].

Отход мезолитического населения сероглазовской культуры из зоны экологической катастрофы происходит не только в северном направлении на Среднюю Волгу и Прикамье, но и на северо-запад - на Дон [15, с. 194] и, возможно, Мордовию [16, с. 289-309], а также северо-восток - в Среднее Зауралье [14, с. 130, 131]. Во всех этих областях, так же как и на Средней Волге отмечается появление орудий «степного» облика: скошенных и ланцетовидных острий с прямой и вогнутой площадкой, прокол с боковым жалом, «рогатых» и иных видов трапеций и других сопряженных изделий. Учитывая территориальную близость и сходство кремневого инвентаря позднемезолитических комплексов сероглазовской культуры Северного Прикаспия и чохской мезо-неолитической культуры Северо-Восточного Кавказа [1], можно предположить, что сероглазовское население уходит от засухи не только на север, но и на юг в предгорья Кавказа. Здесь оно доживает до начала атлантического периода и принимает участие в сложении первых на территории современной России неолитических образований.

Т.о. анализ позднемезолитических древностей и ландшафтно-климатической обстановки на Средней Волге и в Приуралье выявляет масштабные миграции позднемезолитического населения, вызванные наступлением засушливого и прохладного климата в конце бореальной эпохи. Под влиянием ландшафтно-климатических изменений лесостепные племена романовско-ильмурзинской культуры смещаются севернее в лесную зону Приуралья. Им на смену приходят степные племена сероглазовской культуры, покинувшие аридные области Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия. Отдельные группы степного населения проникают в лесную зону, где смешиваются с местными обитателями.

Список литературы

1. Амирханов Х. А. Чохское поселение. М.: Наука, 1987. 223 с.
2. Березина Н. С., Вискалин А. В., Выборнов А. А., Королев А. И., Ставицкий В. В. Охранные раскопки многослойного поселения Утуж I на Суре // Самарский край в истории России. Самара: СОИКМ, 2007. Вып. 3. С. 14-23.
3. Вискалин А. В. Новые данные по неолиту Ульяновского Поволжья // Историко-археологические изыскания: сборник труд. молод. учен. Самара: СГУ, 1997. Вып. 2. С. 27-40.
4. Гусенцова Т. М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск: УдГУ, 1993. 240 с.
5. Иванов И. В., Васильев И. Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.: Интеллект, 1995. 264 с.
6. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара: Изв. Сам. науч. центра РАН, 2000. 312 с.
7. Климанов В. А. Цикличность и квазипериодичность климатических колебаний в голоцене // Палеоклиматы позднеледнековья и голоцена. М.: Наука, 1989. С. 29-33.
8. Ластовский А. А. Проблемы изучения средневолжского мезолита // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара: СГПИ, 1991. С. 23-41.
9. Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М.: Наука, 1976. 368 с.
10. Никитин В. В. Каменный век Марийского края // Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола, 1996. Т. IV. 180 с.
11. Никитин В. В. Мезолит левобережья Средней Волги (к проблеме культурной принадлежности) // Тверской археологический сборник (ТАСС). Тверь, 2006. Том I. Вып. 6. С. 224-232.
12. Никитин В. В. На стыке двух эпох (к вопросу о раннем неолите лесной полосы Среднего Поволжья // Там же. С. 254-259.
13. Никитин В. В. Отчет неолитического отряда Марийской археологической экспедиции в 1986 году // Архив МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 828. 1986.

14. Сериков Ю. Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил: НТГПИ, 2000. 430 с.
15. Синюк А.Т. О связях населения лесостепного Дона, Поволжья и Прикаспия в мезолите - бронзовом веке // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ, 1988. С. 189-204.
16. Сорокин А. Н. Мезолит Оки: проблема культурных различий. М.: Институт археологии РАН, 2006. 312 с.
17. Спиридонова Е. А., Алешинская А. С. Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа // Российская археология. 1999 № 1. С. 23-33.
18. Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 396 с.
19. Хотинский Н. А. Голоцен северной Евразии. М.: Наука, 1977. 199 с.

MIGRATORY PROCESSES OF THE END OF MESOLITHIC EPOCH IN SREDNYAYA VOLGA AND PRIURAL'E

Aleksandr Viktorovich Viskalin, Ph. D. in History

*Department of Native Country History
Ulyanovsk State University
alvisk@mail.ru*

The article tackles the basic directions and reasons of population migrations in Eastern Europe revealed while analyzing late Mesolithic antiquities and landscape-climatic situation in Srednyaya Volga and Priural'e. Special attention is paid to the correlation between migrations and arid and cool climate coming at the end of boreal period which caused large-scale ecological catastrophe in arid regions.

Key words and phrases: population migrations; late Mesolithic; Srednee Povolzh'e and Priural'e; ecological catastrophe in arid regions; landscape-climatic situation; boreal period end.

УДК 947(470.44)

В статье на основе данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. выявлена структура занятости и охарактеризована специфика промысловой деятельности великорусов, малороссов, немцев, татар, мордвы, евреев, чувашей и других народов Саратовской губернии.

Ключевые слова и фразы: структура занятости; земледелие; промышленность; мелкотоварное производство; промыслы; этнос; народ; пореформенный период.

Евгений Петрович Воробьев, к.и.н., доцент

Марина Юрьевна Давыдова, к.и.н.

Кафедра истории

Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет

vorobyev@bk.ru, saamu@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАРОДОВ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД[©]

Во второй половине XIX - начале XX вв. в социально-экономическом развитии Саратовской губернии происходили процессы, свойственные России в целом, прежде всего, развитие капитализма, способствовавшее совершенствованию агрокультуры и агротехники, техническому перевооружению промышленности, появлению новых отраслей, созданию механизированного транспорта, трансформации социальной структуры.

В рассматриваемый период доминирующей частью экономики губернии оставалось сельское хозяйство. Являясь хлебопроизводящим районом, губерния имела соответствующую структуру занятости населения. Анализ материалов переписи 1897 г. демонстрирует значительное преобладание земледелия среди основных видов деятельности ее населения. В данной сфере было занято 76,6% населения (1 842 965 чел.) [3, с. 154-159]. Причем исключительно земледелием жили чуваша и более 90% башкир, мордвы, татар и малороссов. Доминировал данный вид деятельности у великорусов (74%) и немцев (66,7%).

В 70-80-е гг. XIX в. в крае активизировалось промышленное производство, первоначально по переработке сельскохозяйственной продукции, а в последующем быстрыми темпами развивались металлургическая и металлообрабатывающая отрасли. Вне сферы сельского хозяйства было занято 23% населения губернии. Из них наиболее значительной являлась группа, живущая за счет промышленности и мелкотоварного производства (206 005 чел.; 8,56%). Состав пореформенных ремесленников и рабочих был многонациональным. Однако более других народов данный процесс затронул цыган, евреев, немцев, белорусов, поляков и великорусов. Участие в нем мордвы, татар, башкир, и особенно чувашей было минимальным. Среди предпринимательских слоев преобладали великорусы и немцы.

[©] Воробьев Е. П., Давыдова М. Ю., 2011